

ВЛАДИСЛАВ ПЕТРОВИЧ БУЗЕСКУЛ

НЕКРОЛОГ

Составлен С. А. Жебелевым

*Ἐγὼ μὲν δὴ κατανοῶν τοῦ ἀνδρὸς
τὴν τε σοφίαν καὶ τὴν γενναϊότητα οὕτε
μὴ μνησθῆναι δύναμαι αὐτοῦ οὕτε με-
μνημένος μὴ οὐκ ἐλατνεῖν.*

Ксенофонт.

«Есть в мире нечто более дорогое, чем материальные наслаждения, чем богатство, чем само здоровье: это—самоотверженная преданность науке.»

Этимися словами Огюстена Тьерри, одного из самых любимых В. П. Бузескулом историков, начинаю некролог его.¹ Ибо как бы ни стали судить наше и грядущие поколения о научной и просветительной деятельности В. П., о достигнутых им в ней результатах, о его методологии, грешно будет забыть, что вся полувековая деятельность В. П. озаменована исключительною преданностью интересам научного знания. Он был истинный *vir doctus*. К административной деятельности он не чувствовал влечения и лишь в 1901—1905 гг. исполнял обязанности декана Историко-филологического факультета Харьковского университета.

В. П. Бузескул родился 24 февраля (ст. ст.) 1858 г. в Поповке (Изюмского у. Харьковской губ.). Его род, с отцовской стороны, вышел из

¹ Материалами при составлении некролога, помимо печатных трудов В. П., служили: его автобиографическая заметка в словаре С. А. Венгерова (VI, 155 сл.); воспоминания В. П. о его детстве, гимназических и университетских годах (Анналы, II, 228 сл.); речь В. П., сказанная им 1 апреля 1928 г. в ответ на приветствия и доклады в заседании Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры при Украинском Наркомпросе: речь эта напечатана в посвященном В. П., по поводу его 70-летия, III выпуске «Научных записок» кафедры (Харьков, 1929, 5—9; в дальнейшем я буду приводить цитаты из этой речи, не делая специальных ссылок на нее). Пользовался я также письмами В. П. ко мне, отданными мною теперь на хранение в Архив Академии Наук., и воспоминаниями о беседах с ним.

Молдаво-Валахии. 8 лет от роду В. П. лишился матери, и его воспитанием руководил отец. В гимназию готовил В. П. немец по происхождению Э. В. Арльдт, прекрасно владевший русским языком и хорошо знавший русскую литературу. Арльдт подарил своему воспитаннику и первую книжку исторического содержания: биографию Суворова (из серии «Биографических очерков» Влад. Новаковского). Эту книжку В. П., по его словам, перечитал несколько раз, и уже тогда решил он, что будет историком. Правда, интересы его в пору отрочества двоялись: с одной стороны — история, с другой — история русской литературы. Литературою, и русскою и иностранною, В. П. всегда интересовался живо и знал ее прекрасно. С Гоголем связана даже небольшая заметка В. П. (в сборнике в честь Н. Ф. Сумцова, 1909) под заглавием: «К какому времени года относится похождение Чичикова в I т. «Мертвых душ». В письме от 8 февраля 1931 г. В. П., тяжело больной, писал мне: «Чувствую себя все хуже и хуже... Думаю прервать научные занятия, в виде отдыха перечитать русских и западноевропейских классиков. И знаете, с чего хочу начать? С басен Крылова». Эту любовь В. П. к изящной литературе невольно вспоминаешь при чтении и его ученых трудов. Все они написаны прекрасным литературным языком, простым, ясным, чуждым какой-либо вычурности или напускного красноречия, но вместе с тем языком убедительным в своей сжатости, порою увлекательным, изящным. Внешней форме своих произведений В. П. придавал очень большое значение, заботился о том, чтобы они и в типографском отношении были возможно исправнее, напечатаны на приличной бумаге и заключены в простую, изящную, «не крикливую» обложку.

В 1868 г. В. П. поступил во 2-ю харьковскую классическую гимназию. Там его интерес к истории поддерживали его учителя по этому предмету, в особенности Н. Ф. Одарченко, «обладавший замечательным даром слова и умевший своими объяснениями заинтересовать учащихся». По словам В. П. (Анналы, II, 235), гимназия дала ему прочные элементы знания, приучила к неустанному труду, поддержала и развила интерес к любимому им предмету; самый классицизм, тогда проводившийся, пригодился ему позже при занятиях греческой историей.

По окончании гимназического курса в 1876 г. В. П. поступил в Харьковский университет.¹ Всеобщую историю в то время преподавали там

¹ О времени пребывания в университете, кроме указанной статьи В. П. в «Анналах», см. также статью (харьковском) в честь Д. И. Басалея, 1927.

М. Н. Петров и В. К. Надлер. «Лекции М. Н. Петрова нравились своим сжатым языком, прекрасной литературной формой, а главное тем, что он выдвигал не столько самые факты, сколько их смысл и связь, причины и следствия... М. Н. Петров был историк-художник».¹ О В. К. Надлере, которого В. П. считал своим главным учителем, он говорит: «Это был историк-повествователь по преимуществу, но не исключительно. В. К. Надлер останавливался и на различных теориях или спорных в науке вопросах, на разборе их». «Благодаря В. К. Надлеру я впервые ознакомился с приемами и методами критического исследования».²

Внимательный читатель трудов В. П. разберется в том влиянии, какое оказала на него пройденная им университетская школа. Мне представляется, что В. П., подобно В. К. Надлеру, был также по преимуществу, но не исключительно, «историком-повествователем»: повествовательная сторона в его работах преобладает над элементом исследовательским в строгом смысле. В. П. чувствовал большую склонность к работам синтетического, чем аналитического характера. Из этого было бы ошибочно, однако, заключать, что он не отдавал должного значения анализу, что он не считался с правилом «годы анализа нужны для одного дня синтеза». Он только не склонен был посвящать читателя его трудов в свою «аналитическую лабораторию». Этим же свойством В. П. объясняется и то, что в его научном наследии найдется лишь сравнительно небольшое количество статей, посвященных исследованию какого-нибудь узко специального вопроса. В. П. скорее привлекали темы более или менее широкого характера; он любил объединять вокруг такой широкой темы другие специальные, но главной теме сродные, и предпочитал, в результате такого объединения, создавать нечто цельное, в себе самом замкнутое. Это «цельное» он старался излагать с художественною простотою — черта, навеянная не только «историком-художником», Петровым, но, очевидно, и коренящаяся в самой натуре В. П.

¹ В предпринятом, после смерти М. Н. Петрова, издании его лекций В. П. принадлежит обработка к печати III и IV томов, посвященных новой истории; для этих томов В. П. составлены особые прибавления: Реформация и католическая реакция в Польше и о Тевне. В. П. был против опубликования лекций М. Н. Петрова по древней и средней истории, находя их устаревшими (из упомянутого сборника в честь Д. И. Багалая).

² Оттуда же. В 1898 г. В. П. были обработаны для опубликования лекции В. К. Надлера по истории французской революции и империи Наполеона. Классическую филологию в бытность В. П. в университете преподавали старики Деллен и Пеховский; вряд ли могли они дать много будущему историку Греции. С приятным чувством вспоминает он лишь о лекциях молодого тогда Privat-доцента Г. Ф. Шульца.

Должно, однако, сказать теперь же: какие бы черты в творчестве В. П. не наложила на него пройденная им университетская школа, в своем дальнейшем ученом развитии и усовершенствовании В. П. был обязан главным образом, самому себе, своему постоянному, вдумчивому, «критическому» изучению трудов зарубежных и наших видных представителей исторической науки. В. П. называл себя «доморощенным ученым», прошедшим всю свою школу в Харькове, написавшим все свои работы по-русски — за исключением небольшой рецензии в «*Deutsche Literaturzeitung*» — в Харькове. Лишь один раз «по научным делам» он был за границей: в 1908 г. на Международном историческом конгрессе в Берлине. Мне не приходилось ни разу слышать от В. П. сожаления о том, что ему не пришлось «штудировать» в каком-либо из зарубежных университетов. Но не раз В. П. выражал свое сожаление о том, что ему не пришлось побывать в Греции, древняя история которой в течение долгих лет так сильно приковывала его внимание. И это сожаление понятно: где, как не в классических странах, Греции и Италии, можно лучше всего «вжиться» в античность, почувствовать ее? И никакие лекции, никакие семинары, какими бы знатоками античности они ни читались и ни велись, никогда не заменят этого источника будущей ключом животворной воды.

По окончании университетского курса в 1880 г. В. П. преподавал несколько лет историю в харьковских частных женских гимназиях. По сдаче магистерских экзаменов В. П., с осени 1885 г., стал приват-доцентом Харьковского университета.¹ Первыми его университетскими курсами были история Западной Европы в XIV и XV вв., новейшая историография, история гуситского движения. Когда осенью 1886 г. вышел в отставку М. Н. Петров, В. П. было поручено чтение общих курсов по новой истории и по истории Греции. В 1890 г., по защите магистерской диссертации, он был назначен п. д. экстраординарного профессора; в 1895 г., по защите докторской диссертации, он был утвержден ординарным профессором.

В течение 40 лет, до осени 1924 г., В. П. читал лекции в Харьковском университете. Кроме того, он читал лекции на Харьковских высших женских курсах, на Педагогических курсах при Харьковском учебном округе. О преподавательском умении и таланте В. П. его бывшие слушатели, ставшие потом преподавателями в Харькове, так говорят в адресе, под-

¹ Одна из его пробных лекций — «Обзор немецкой литературы по истории средних веков» — напечатана.

несенном ему во время празднования 30-летия его службы.¹ «Нас трогало и оставило глубокий след Ваше преклонение пред наукой, пред ее деяниями и пред университетом... В этом своеобразном культе науки, являющемся господствующей чертой Вашего характера, мы видим и ценим проявление высокой культурности в лучшем смысле слова... В своих отношениях с нами и в то еще время, когда мы сидели на университетских скамьях, и тогда, когда мы начинали самостоятельно работать, Вы были неизменно внимательным, доброжелательным, гуманным, сами шли навстречу нашим нуждам, не отказывая никому ни в совете, ни в книге, ни в личном содействии». Слушательницы Высших женских курсов, называя лекции В. П. «одной из светлых страниц курсовой жизни», чествовали в его лице «поборника женского образования, положившего много труда на создание курсов». Слушатели Педагогических курсов говорили В. П.: «Ваше увлечение историей, Ваши призывы к работе да послужат для нас примером жизни, не бесполезно прожитой».

В. П. горячо любил свой Харьковский университет, свой Историко-филологический факультет. Он не изменил ему и тогда, когда в 1911 г. его приглашали перейти в Московский университет, в котором желал видеть его своим преемником В. И. Герье. Любили В. П. и его ближайшие коллеги, как человека, «ставившего интересы науки и просвещения выше всего, истинного носителя лучших университетских преданий и заветов, человека высокой души и товарища доброго и отзывчивого». В бытность В. П. деятелем Харьковского университета, последний праздновал столетнюю годовщину своего основания. В юбилейном издании, по этому поводу опубликованном, на долю В. П. выпала неблагодарная задача — изложить историю университета (до 1905 г.) за время действия в нем устава 1884 г., устава, основные положения которого, по словам В. П., «резко расходились с научными интересами» и самое появление которого «было вызвано пными видами и соображениями» (Истор. этюды, 307). Но, «несмотря на все затруднения и препятствия», университет и в эти тяжелые годы «сделал немало для развития науки и просвещения» (стр. 387). Многим из сослуживцев В. П. по факультету им посвящены были теплые, как и всегда у него, некрологи (М. Н. Петрову, В. К. Падлеру, Г. Ф. Шульцу, А. С. Лебедеву, В. С. Соловьеву, И. В. Нетушилу). «Харьковский Грановский», Н. Н. Лунин, был охарактеризован

¹ Этот и другие адреса напечатаны в сборнике в честь В. П., изданном в 1913—14 г.

В. П. в особой обстоятельной статье (Истор. этюды, 248—301). Должен отметить также то живое участие, какое принимал В. П. в деятельность Харьковского историко-филологического общества, много раз выступая в нем со своими докладами.¹

И по окончании своей профессорской деятельности В. П. продолжал принимать участие в ученой жизни Харькова: до своей смерти он состоял почетным председателем научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры и членом Харьковского отделения Ассоциации востоковедения. И в той и в другой организации он неоднократно выступал со своими докладами.

Научный горизонт В. П. охватывал широкие области так наз. всеобщей истории. Две первые его работы были посвящены, впрочем, русской истории. Это его статьи в ЖМНП 1881 и 1883 гг. о торонецком князе Мстиславе Мстиславиче (университетское сочинение В. П., удостоенное золотой медали). Хотя в последующее время он не возвращался к работам по русской истории, если не считать его статьи о Генрихе Штадене (Анналы, I, 1922), но интереса к ней он не утратил, и можно быть уверенным, что все, по крайней мере, основные труды по русской истории, главная монографическая литература по ней, ему были хорошо знакомы не по одним только заглавиям. Сколько вообще было прочитано В. П. на своем веку книг и статей, в особенности касающихся истории, это трудно было бы исчислить. Это был истинный «книголюб», именно «книголюб», а не просто библиофил или библиограф, который иногда довольствуется не столько содержанием книги или статьи, сколько ее заглавием, в лучшем случае оглавлением, поверхностным перелистыванием. В. П. читал вдумчиво, и о каждой прочитанной им книге или статье, на основании внимательного с нею ознакомления, он имел свое суждение; о тех же книгах и статьях, которыми В. П. приходилось пользоваться для своих работ, появлявшихся в печати, он смело мог бы написать обстоятельные рецензии. Конечно, В. П. читал не все, что подвернется под руку, читал с выбором, поскольку он определялся его научными интересами. Но так как последние у него были очень широки и охватывали, как было сказано, почти всю западноевропейскую историю и связанные с нею дисциплины, то В. П. старался прочитать возможно большее количе-

¹ Общество почтило В. П. в 1914 г. изданием в его честь сборника (830 страниц); в нем приняли участие 46 русских ученых (не одних только харьковских) и André Mazou, бывший одно время лектором французского языка в Харьковском университете.

ство книг и статей исторического содержания, а если и не все их прочесть, то хотя бы с ними ознакомиться или, как он говорил, «просмотреть» их. Невозможность получить в свои руки, хотя бы на просмотр, ту или иную книгу или статью, которая казалась ему важной, интересной, всегда глубоко волновала, можно сказать, печалила В. П. Все его сочинения пестрят указаниями на использованную им литературу, в некоторых случаях пестрят даже до излишества. Большой знаток иностранной исторической и историко-филологической литературы, В. П. был, несомненно, первым знатком русской исторической литературы XIX и XX вв. Об этом говорит наглядно его последний большой труд о всеобщей истории и ее представителях в России, своего рода «соррис» нашей литературы по всеобщей истории до начала мировой войны; он содержит такой богатейший подбор материала или, лучше сказать, материалов в этой области, собрать который кому-либо другому, кроме В. П., вряд ли было бы по плечу. Об этом труде речь будет еще впереди.

Будучи таким знатком литературы по всеобщей истории, В. П., естественно, не мог работать сам во всех ее областях и отделах. Он должен был «специализироваться», и к своей специальности или, точнее, к своим двум основным специальностям он пришел не сразу, а в отношении одной из них не без некоторых колебаний, о которых он рассказывает так: «Специалистом преимущественно в области греческой истории я не сразу стал. Долгое время меня привлекали иные эпохи, иные темы. Сначала — полная трагизма борьба против папства за права светской власти, за свободу совести и разума,¹ особенно же гуситское движение. Я даже думал из этой эпохи избрать тему для своей магистерской диссертации. Потом я увлекся французскими наказами в Генеральные штаты 1789 г.; меня заинтересовала тема: чего желала Франция накануне революции на основании этих наказов...² Вскоре, однако, я убедился, что это слишком сложная тема, трудная работа,

¹ К истории средневекового папства относятся две работы В. П., вошедшие обе в «Исторические этюды» (СПб., 1911): а) «К истории папства XI в.» — подробный разбор книги ученика В. П., — А. С. Вязигина; б) «Реформатор XII в. — Арнольд Брешианский». Как бы переходом от позднего средневековья к новому времени служит статья, также вошедшая в «Исторические этюды», — «Новый источник для культурной истории начала XVI в.» — в связи с изданием J. Пастором составленного Antonio de Beatis описания путешествия в 1517—18 г. кардинала Luigi d'Aragona.

² Любопытно отметить, что на эту тему натолкнуло В. П. знакомство с Токвиллем, а в особенности с книгой Н. И. Кареева о крестьянах и крестьянском вопросе во Франции в последней четверти XVIII в. (это исследование Н. И. Кареева В. П. ставил очень высоко) и с речью В. И. Гюльс о власти и о народе в наказах 1789 г.

мне не по силам. Тем временем, за выходом в отставку проф. М. Н. Петрова, пришлось нехотя, поневоле, взять на себя чтение обязательного курса греческой истории. Оправдалась, однако, поговорка: Стерпится — слюбится. Я тогда познакомился с последними томами „Истории древности“ Макса Дункера, касающимися века Перикла, с Белохом, с „Демократией“ Юлиуса Шварца, с представителями того течения, которое стремилось низвести Перикла с пьедестала, на какой возвел его еще Фукидид, и творило строгий суд над афинской демократией. Я написал большую критическую статью о новом взгляде на Перикла (ЖМНП, 1888, апрель), и у меня оказался собранным значительный материал; я ближе ознакомился с Аристофаном, с надписями; Аристофан и надписи вводили меня в афинскую жизнь, жизнь, которая предстала предо мною, как живая, в конкретных чертах; меня заинтересовала в особенности методологическая сторона: насколько допустимы те приемы, к которым прибегали, например, Макс Дункер и Юлиус Шварц в своих доказательствах. И я решил написать диссертацию о Перикле с разбором мнений его новейших порицателей.

Вышедшая в 1889 г. большая (418 стр.) книга В. П. о Перикле имеет подзаголовок «историко-критический этюд». В нем В. П. пришлось сражаться против той гиперкритики в области изучения древней истории, которая стала развиваться в немецкой ученой литературе в 80-х годах прошлого века и которая, в отношении к греческой истории, должна быть рассматриваема как реакция против того идеалистического направления, главным представителем которого был Эрнст Курциус. Враг всяких крайностей, В. П. не мог сочувствовать ни гиперкритике, ни идеализации. Он хотел посмотреть на дело с объективной стороны, исходить при оценке и деятельности Перикла и существа афинской демократии отираясь от разбора единственной прочной базы, имеющейся в распоряжении историка, — исторического предания. Он тщательно изучил главный наш источник о Перикле, Фукидида, привлек другие источники, и если, в результате выполненной им критической работы, отнесся отрицательно к взглядам на Перикла, проводимым Дункером и Фелуг-Гартунгом, на афинскую демократию — Юлиусом Шварцем, то это явилось не в результате пристрастного преклонения пред Афинами и Периклом, а только потому, что, с точки зрения самого метода, указанные взгляды оказались не выдерживающими исторической критики. Совершенно правильно отмечал В. П. недопустимость рассматривать и критиковать деятельность Перикла «с точки зрения нашего

ека», а не «в связи с окружающими деятельность Перикла условиями, в связи с теми задачами, которые были поставлены ему его предшественниками», всем ходом афинской истории (стр. 66). С точки зрения исторической методологии книга В. П. не утратила своего значения и по сие время, хотя пора гиперкритики в области изучения древней истории уже, кажется, миновала, так как и самый ярый представитель гиперкритики, Паис, по видимому, возвращается теперь на путь истинный.¹

Работа над книгой о Перикле сблизила В. П. с историей древней Греции.² Но и после того он все еще не расстаётся с мыслью о работе в области новой истории. «Около того времени», говорит он, «появились» такие издания, как Архив кн. Воронцова, соответствующие томы Сборника Исторического общества, французский сборник инструкций послам при русском, австрийском, прусском дворах и т. д. Издания эти, не говоря уже об архивах, содержали любопытный материал об отношениях наших соседей, Пруссии и Австрии, к России в середине XVIII в., когда зарождалась Семилетняя война и произошел переворот в союзах». У В. П. «явилась мысль написать исследование об этих отношениях в качестве докторской диссертации... Как вдруг — поразительная находка... трактат Аристотеля об афинском государственном устройстве», так близко касавшийся вопросов, затронутых В. П. в его «Перикле». Со времени появления первого издания трактата в 1891 г. В. П. посвящает ему ряд статей, подготовивших появление его большой (около 500 стр.) книги «„Афинская политика“ Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в.», вышедшей в 1895 г. и доставившей автору степень доктора всеобщей истории.

Первые три главы исследования В. П. (Вопрос о новооткрытой «Афинской политике» в современной литературе; «Афинская политика» как

¹ Вполне трезво изложена Паисом история Рима до 133 г. до н. э. в его новейшей «Histoire romaine» (Paris, 1926). Что касается Белоха, отдававшего всегда большую дань гиперкритике, то это объясняется отчасти стремлением Белоха быть во что бы то ни стало оригинальным, отчасти его самовлюбленностью. Милкий, порою даже санишком мягкий в суждениях об ученых, В. П. в одной из своих последних статей (Из области новейшей западноевропейской историографии, 1928, стр. 149), говоря об автобиографии Белоха (Die Wissenschaft der Gegenwart in Selbstdarstellungen, 1925—26), не мог не отметить, что она «производит отталкивающее впечатление своим тоном, самохвальством, резкими отзывами о других ученых».

² В 1923 г. В. П. вернулся к Периклу в своей научно-популярной книжке в издававшейся в ту пору издательством Брокгауз-Ефрон серии «Образы человечества».

произведение Аристотеля; Источники Аристотеля в «Афинской политике» и его отношение к ним), занимающие большую половину книги, является переработкою опубликованных им предварительных статей. Четвертая глава (История государственного строя Афин в новооткрытом трактате) была составлена им заново. В. П. изучил в полноте обширную литературу, вышедшую как раз в первые годы, последовавшие за открытием трактата, когда взгляд на него далеко еще не был прочно установлен, но когда в оценке трактата все же постепенно стало преобладать, в общем, умеренное направление. Выразителем его был и В. П., не принадлежавший «ни к безусловным панегиристам, ни к не в меру строгим порицателям» трактата. Со свойственным ему умением В. П. разобрался в хаосе противоречивых мнений о трактате, обстоятельно изложил их и оценил, руководствуясь правилом *summi sui que*. Эта часть работы В. П., стоившая ему несомненно, большого труда, внесла свою лепту в столь любимую В. П. «историю науки». Вопрос о принадлежности трактата Аристотелю в ту пору был еще большим вопросом, и этим объясняется то внимание, которое ему было уделено В. П. в его книге. Для надлежащей оценки трактата как исторического источника существенно важным было определить те источники, которые легли в основу трактата, и установить, как Аристотель ими пользовался. И эта задача была надлежаще выполнена В. П. Теперь почва была расчищена для выяснения вопроса о том, что нового и ценного дал трактат для воссоздания истории развития афинского государственного строя от Иона до восстановления демократии после господства в Афинах Тридцати. Вызвавшая много споров 4-я глава трактата с описанием конституции Драконта была признана В. П. интерполяцией — это мнение значительно позже высказано было Вилькеном (Aprophoreton, Berlin, 1903, 85; ср. его *Griechische Geschichte*², 237). Равным образом В. П., еще в год опубликования «Афинской политики», доказал, что находящийся в ней рассказ об участии Фемистокла в реформе ареопага должен быть отвергнут и что, может быть, он является также интерполяцией. В общем В. П. отнесся к показаниям трактата с доверием, а важное значение его он усматривал в том, что «он изображает постепенное, чрезвычайно последовательное, чисто органическое развитие государственного строя Афин, без особенно резких скачков», что, на основании трактата, афинская демократия обрисовывается как «чисто народное создание, результат работы целого ряда деятелей и поколений, а не как результат честолюбия и интриг отдельных личностей».

Однажды в разговоре со мною В. П. сказал мне, что из своих книг он любит всего более «Перикла», «Историю афинской демократии», «Введение в историю Греции». «А „Афинская политика Аристотеля“?» спросил я. «Ее я не люблю», ответил мне В. П., «она меня не удовлетворяет». Когда я в одном из своих писем к В. П. пробовал убедить его в несправедливом его отношении к своей докторской диссертации, он в ответном письме (13 января 1925 г.) писал мне: «Мне кажется, что вообще каждый автор, не ослепленный самомнением, является лучшим критиком своих произведений: ему виднее, чего недостает этим произведениям до поставленного им себе идеала». Какой идеал предносился пред В. П. при обработке его «Афинской политики», мне неизвестно. Но что тема, которой посвящен один из больших его трудов, перестала его интересовать, показывает то, что он вернулся к ней лишь много лет спустя, в 1912 г., и, очевидно, *ad hoc*, когда он поместил в сборнике в честь Э. Р. Штерна небольшую статью «Новейшие гипотезы об источнике „Афинской политики“ Аристотеля», где он разбирал незадолго до того появившиеся статьи Seesck'a и Mess'a. Мне представляется, что В. П. остался равнодушным к книге, которая ему стоила больших трудов, по двум причинам: 1) полученные результаты, в смысле новизны их, оказались менее значительными в сравнении с тем трудом, который пришлось затратить на изучение всей литературы, посвященной трактату, последний как-то невольно должен был затеряться среди нее; 2) что еще, пожалуй, важнее, постановка самой темы была не во вкусе В. П., который, как уже было указано, питал большую склонность к повествованию, чем к исследованию. В. П. поставил себе задание определить значение «Афинской политики» как источника для истории государственного строя Афин. Эту задачу, на мой взгляд, он и выполнил вполне успешно, но сама-то задача была, по своему характеру, скорее историко-филологическою, чем чисто историческою, а В. П. чувствовал, конечно, гораздо больший интерес к истории, чем к филологии, хотя и сознавал, что, при занятиях древней историей, очень часто история и филология оказываются неразрывно связанными. Не мог чувствовать себя удовлетворенным в отношении к своей «Афинской политике» В. П., наконец, еще и потому, что он собирался дать книгу не для «одних специалистов». На самом деле, книга оказалась по плечу — иначе и быть не могло — только специалистам, которые ценили и ценят ее как первую, в свое время, попытку подвести итог тому, что сделано было в научной литературе для изучения трактата

Аристотеля в первые пять лет после его опубликования. С книгой В. П. произошло, должно было произойти то, что обыкновенно бывает со всеми учеными книгами, написанными на «злобу дня»: они быстро утрачивают свое актуальное значение, не теряя, если они составлены добросовестно, своего значения исторического. Для дальнейшей же деятельности В. П. его «Афинская политика Аристотеля» имела очень важное значение в том отношении, что, со времени появления этой его книги, оно на долго оставался верен греческой истории как своей главной специальности. Только темы свои он стал выбирать характера более общего и широкого.

В 1886 г. В. П. приступил к занятиям греческой историей «нехотев поневоле». Не прошло и 20 лет с того времени, как В. П., в результате своих усиленных занятий ею, настолько «вошел» в нее, что он оказался в состоянии «вводить» в изучение греческой истории и других. В 1903 г. появился капитальный и, может быть, самый главный, наиболее, во всяком случае, удавшийся, труд В. П. — его «Введение в историю Греции». Книга эта имела такой успех, что, год спустя, понадобилось ее второе издание. С этого издания, с необходимыми дополнениями, сделан был в 1903 г. чешский перевод, изданный при содействии Чешской Академии Наук. В 1915 г. «Введение» вышло третьим переработанным изданием.¹ Мне уже пришлось указать в составленном мною по поручению нашей Академии Наук отзыве о втором издании, удостоенном премии имени гр. Толстого, что книга подобной «Введению» В. П., по широте поставленной им задачи, не было тогда, в 1908 г., как нет и теперь, и в заграничной литературе. «Введение» (в 3-м издании около 600 стр.) состоит из двух основных частей. В первой, меньшей по объему, дается обзор источников греческой истории, во второй — очерк ее разработки с эпохи Возрождения до (в последнем издании) мировой войны, причем в этот очерк включена не только характеристика трудов по греческой истории, имеющих сколько-нибудь важное значение, но сообщаются также сведения о постепенном приросте материала по истории Греции в виде источников эпиграфических, палеонтологических, археологических. Коротко говоря, «Введение» В. П. в исчерпывающей, можно сказать, полноте «вводит» читателя в источниковедение греческой истории и дает

¹ В промежутке между появлением 2-го и 3-го изданий В. П. издал «Краткое введение» в качестве университетского пособия.

голковую ее библиографию. При этом В. П. сообщает не скучный библиографический обзор; с большим мастерством он излагает историю разработки греческой истории и в древности и в новое время, дает, если угодно, одну из обширных глав истории научного знания.

На заглавном листе 3-го издания «Введения» стоит: «Лекции по истории Греции, т. I». За этим первым томом должны были последовать еще два: второй том предполагалось отвести истории Греции до Греко-персидских войн, третий посвятить истории афинской демократии; он должен был заменить изданную В. П. под тем же заглавием книгу в 1909 г. (468 стр.). В этой книге он отчасти возвратился к сюжетам, разработанным им в его обеих диссертациях; эти сюжеты занимают в книге об афинской демократии центральное и наиболее значительное место, но со значительными добавлениями, так как В. П. имел в виду не только самый строй и учреждения, но и среду, воззрения, настроения». Книгу свою В. П. предназначал «не столько для специалистов, сколько для более широкого круга — для университетских слушателей, для ищущих самообразования, для интересующихся историей, в особенности историей политических форм». Книга об афинской демократии очень удалась В. П., и он считал ее одною из своих любимых книг.¹

В. П. пришлось работать в области греческой истории в то время, когда у таких немецких ученых, как Эдуард Мейер, Белох, Шельман и других *die minores*, было очень распространено стремление модернизировать античность. Еще в 1904 г. В. П. указывал, что это стремление «ведет иногда к крайностям, натяжкам, к старанию установить сходство... (иногда) только кажущееся...» «Но», говорил он, «совершенно отвергать существование аналогии в историческом развитии древнего и нового мира при тех данных, которыми располагает современная наука, никоим образом нельзя» (Истор. этюды, 38 сл.). Под заглавием «Античность и современность» вышла в свет в 1912 г. книга В. П., переизданная (с дополнениями) уже в следующем году, а в 1924 г. появившаяся в третьем издании, также

¹ Выпустить новое издание книги, в качестве III т. «Лекций», В. П. не пришлось. В 1920 г. в Харькове вышел составленный им научно-популярный очерк об афинской демократии. Что касается предполагаемого содержания II т. «Лекций», который должен был охватывать историю Греции до начала V в., то в качестве *предварительной главы к нему можно считать статью* В. П. «Древнейшая цивилизация в Европе» (Вестн. Евр., 1916, август), выпущенную, под тем же заглавием, в 1918 г., в Харькове, в виде отдельной книжки, с подзаголовком «Критско-микенская культура».

дополненном (несколько раньше книга вышла в чешском переводе). Она состоит из 11 неравномерных по объему очерков. Наиболее обширными и интересными из них являются очерки об арбитраже в древнегреческом мире (имеется только в 3-м издании), о постановке школьного дела у греков, о характерных основах греческого государства, о греческой рациональной науке, о женском вопросе в древней Греции,¹ о социальном вопросе и социальной борьбе в Греции. В. П. в своей «Античности и современности» не имел в виду исчерпать тему; на нескольких примерах он хотел показать, «как много современного и живого в античном мире», хотя, с другой стороны, «было бы ошибочно и односторонне видеть только одно сходство между древностью и современностью, слишком модернизировать первую». В истории полного тождества не бывает; есть только аналогии». Отметим некоторые из них и было целью В. П. в его увлекательно, с полным знанием дела написанных очерках, являющихся наилучшими у нас образцами так наз. научно-популярной литературы.

Известно, какими поразительными открытиями памятников древневосточной культуры ознаменовано было прошлое столетие и истекшая часть настоящего. Ни в русской, ни в иностранной литературе не было книги, которая давала бы общий обзор этих открытий. В. П. этот пробел восполнил. В 1923 г. вышла его книга, возникшая из его университетских лекций 1920—21 г., под заглавием «Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Востока», где речь идет об открытиях, сделанных на почве древнего Египта, Ассирии-Вавилонии и в остальных странах Передней Азии.² В 1924 г. вышла вторая часть, посвященная открытиям в пределах древнегреческого мира, по содержанию своему отчасти соприкасающаяся с соответствующими отделами «Введения в историю Греции», но с необходимыми изменениями, кое-где сокращениями, а большей частью в более подробном изложении.³ Третьей части, которая охватывала бы древнеримский мир, В. П. не предполагал давать. Не знаю почему:

¹ Подробнее тот же сюжет в «Истор. этюдах», 38 сл.

² Главным пробелом своей книги В. П. считал, что в ней опущена Индия. Дополнением книги может служить статья В. П. об открытиях и достижениях в области изучения Древнего Востока за последние годы в журнале «Восточный мир», 1927, № 1.

³ Дополнением ко второй части может служить доклад В. П. на Керченской конференции археологов в 1926 г. на тему «Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории» (напечатано в Зап. Вс.-украинской Академии Наук 1927 г.).

В. П. оставался довольно равнодушным к римской истории, и ни одной, хотя бы небольшой, работы в области ее не оставил.¹

Свой труд об «Открытиях» В. П. писал, по его словам (предисловие к первой части), «в самые тяжелые моменты» его жизни, и лишь работа над его книгой давала ему утешение и поддерживала его духовную бодрость. Вскоре после того В. П. был избран, 4 марта 1922 г., действительным членом Академии Наук СССР (членом-корреспондентом ее он состоял с 1910 г.), а в 1925 г. — и членом Всеукраинской Академии Наук. Последующие затем годы связаны теснейшим образом с последним большим трудом В. П., завершившим его 50-летнюю ученую работу, подводящим ей итог...

Этот труд имеет свою историю. В 1920 г. здешнее книгоиздательство «Наука и школа» предприняло серию небольших научно-популярных книжек под общим заглавием «Введение в науку», имевших целью дать кратко изложенные руководящие указания для желающих ознакомиться с тем или иным отделом данной группы наук. Один из выпусков отдела «История» предположено было посвятить обзору развития исторической науки в ее целом. Как один из редакторов этого отдела, я обратился к В. П. с просьбою взять на себя составление этого обзора — лучшего выбора, чем В. П., мне казалось, трудно было бы сделать. В. П. дал свое согласие, но означенного очерка не написал, вероятнее всего, потому, что его стесняли отведенные ему рамки — не более 5—7 печатных листов. Дело в том, что В. П. любил писать так, как пишется, и всякого рода ограничение, да еще строго обусловленное, в количестве печатных листов сильно расхолаживало его и, скажу откровенно, влияло на самое выполнение им работы, и влияло в отрицательном смысле. В своих писаниях В. П. никогда многословием не грешил, но укладываться на Прокрустово ложе отводимых печатных листов отзывалось на нем болезненно.

Тем не менее, самая тема — дать обзор развития исторической науки — была ему вполне по душе. И это тем более, что, как он мне писал 13 января 1925 г., он «за последнее время стал отходить от греческой истории, потому что нет возможности знакомиться с тем, что в этой области делается». Он ушел в область историографии не только потому, что она влекла его к себе,

¹ Припоминаю, как однажды говорил мне В. П., что он никогда не мог заставить себя прочитать Ливия целиком. «Зато», добавил он, «Тацита я прочитал, не отрываясь, еще в дитяской молодости».

но и потому, что здесь больше возможности работать, не так нуждаюсь в новейшей литературе: больше приходится иметь дело с трудами, вышедшими давно, до мировой войны». 22 января 1928 г. В. П. пишет мне: «Историография, история вообще наук, — давно уже моя излюбленная область (в сущности, и мое «Введение» и «Открытия» имеют прямое отношение к истории наук, научных достижений), наравне с греческой историей, которую, впрочем, я полюбил позже и которой теперь изменил, отчасти поневоле: за годы войны и последующие образовался такой пробел у меня, что не хватает сил и нет надежды пополнить его».¹ Свое влечение к давно излюбленной области, историографии, В. П. и задумал осуществить в особом труде, дав в нем «очерк развития исторической науки от французской революции до начала мировой войны». На задуманный им труд он смотрел как на свою «последнюю книгу». Сначала он предполагал предпослать ей особое введение и дать в нем «краткий очерк историографии от древности до конца XVIII в.» (письмо от 14 IV 25), но затем (письмо от 25 VI 25) отказался от этой мысли: «я решил такого особого введения не давать — оно вышло бы слишком кратким, в сущности лишь перечень лиц и заглавий; я хочу главным из такого введения включить в соответствующие места последующего изложения, например, когда будет идти речь о начале историко-критического метода, тогда коснуться Фукидида..., когда будет идти речь о Monumenta Germaniae, тогда упомянуть о Муратори, о бенедиктинцах, по поводу Нибёра упомянуть о Бофоре, и т. д.».

При той обстоятельности, с какою В. П. относился к выполнению своих работ, задуманная им «книга» вряд ли бы уложилась в одну книгу; и сколько бы таких книг понадобилось, трудно сказать. При всех своих идеальных побуждениях и настроениях В. П. всегда был «трезвым политиком»: реалистом в лучшем значении этого слова, и поэтому неудивительно, что в письме от 5 июня 1927 г. он мне писал: «Я предпочел бы написать общий очерк о разработке всеобщей истории в России. Такая работа меня захватила бы. Это была бы вторая часть раньше задуманного очерка развития исторической науки, и с нее можно было бы начать». «Книги на эту тему», говорил В. П. 1 апреля 1928 г., когда праздновалось его 70-летие, «насколько мне известно, не имеется ни в русской, ни в иностранной литера-

¹ Еще в студенческие годы большое влияние на В. П. оказала «Русская история» К. Н. Бестужева-Рюмина, с ее богатой библиографией, с ее очерком разработки русской истории.

вре. Но позволят ли мои годы и мои силы закончить начатую работу, а если позволят, то увидит ли она свет?»

Первую половину задуманного труда силы В. П. позволили ему закончить, первая часть его труда увидела свет при жизни В. П., когда, в 1929 г., «Трудах Комиссии по истории знаний Академии Наук СССР» появилась Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в., в этой первой части идет речь о русских трудах по всеобщей истории времени учреждения Академии Наук и до того момента, «когда наша революционная наука в области всеобщей истории вступила в стадию полного своего развития в лице В. И. Герье, Н. И. Карсеева, П. Г. Виноградова, И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского и становится в уровень западноевропейской исторической наукой». Во вторую часть должны были войти: ученики и преемники названных ученых, разработка древней истории в течение XIX и в начале XX в., византиноведение с 70-х годов прошлого века, изучение славянского мира в течение того же периода и представители родственных наук. Однако, вторая часть разрослась настолько, что ее пришлось разделить пополам и отнести византиноведение и славяноведение в особую, третью часть. Корректуру набора в гранках второй части своего труда В. П. имел возможность прочитать сам; и корректуру сверстанных листов ему довелось еще увидеть в последние дни своей жизни, но прочитать корректуру сверстанных листов и подписать их к печати пришлось уже мне после смерти В. П. Что касается третьей части, то рукопись ее, вполне подготовленная к печати, принята для издания Всеукраинской Академией Наук. Таким образом, весь труд В. П., на который он смотрел как на «результат его занятий всеобщей историей в течение многих десятков лет», отчасти уже увидел свет. Остается пожелать, чтобы и третья часть, по возможности скоро, была издана; эта третья часть, как он писал мне, стоила ему наибольшего труда и времени, так как история Византии и история славянских народов раньше не входили в круг его ближайших интересов.

В последнем труде своем В. П. собрал колоссальный материал, которым, как и его «Введением в историю Греции» и его «Открытиями», многие еще долго будут пользоваться. Материал этот накапливался у В. П. постепенно [в результате того внимания, с каким он относился к каждой русской книге или статье, относящейся к всеобщей истории. Лишь часть того материала была использована В. П. раньше в его рецензиях, некрологах, характеристиках русских деятелей исторической науки.

К задуманному В. П. аналогичному труду по западноевропейской историографии ему приступить уже не пришлось. Но подготовительные работы для него имеются в виде отдельных статей и некрологов-характеристик выдающихся деятелей исторической науки на Западе. К числу этих подготовительных работ должно отнести и напечатанную в Известиях Академии Наук статью В. П., на тему «Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г. — Барант, Ог. Тьерр, Гизо, Тьер, Минье».

Мысленно представляя себе пройденный В. П. долгий научный путь, должно признать, что этот путь представляет собой сплошной и неустанный труд. Этот труд должен быть признан трудом полезным и для науки и для нашего просвещения. И когда у нас будут писать историю нашего научного труда, наших научных достижений, В. П. будет отведено в этой истории почетное место, и имя В. П., как научного работника, будет произноситься с подобающим ему уважением.

Научный облик В. П. достаточно ярко и четко обрисовывается в его трудах, больших и малых. Это прежде всего удивительная добросовестность и обстоятельность при разработке всякой темы, стремление исчерпать ее по возможности, до конца. Идеалом исторической работы В. П. считал «основательное знание источников и новейшей литературы, изложение вполне литературное, живое и легкое» (Истор. этюды, 110 сл.). Свое отношение к источникам он определял так: «Должно дорожить всякою крупицею материала, но только такого, который, после тщательной проверки, окажется доброкачественным... Лучше прямо сознаться в невозможности придти к точному выводу, где для этого нет прочных оснований, нежели строить его на данных неверных. Ведь цель исследования — достижение истины и эта истина в глазах исследователя должна стоять выше богатства сомнительных данных. Затем, конечно, не следует отвергать все свидетельства какого-либо источника огульно, без разбора; но вполне естественно, что раз источник в общем оказывается тенденциозным и сомнительным в своей достоверности, мы должны относиться к его свидетельству осторожно при равенстве всех прочих условий, отдавать предпочтение тому источнику, общая достоверность коего менее сомнительна» (Истор. этюды, 95 сл.).

Свой взгляд на науку вообще, на историческую науку в частности В. П. четко и определенно высказал в речи, произнесенной им 1 апреля 1928 г., когда в Харькове праздновалось 70-летие его жизни. Эта ре-

В. П. напечатана в упомянутом выше издании (стр. 1065, прим. 1). Все те, кто стоял в более или менее близком общении с В. П., хорошо знают его «принципиальность» и благородство, его постоянную стойкость и правдивость, его неизменно доброжелательное и снисходительное отношение к людям, его корректное и ласковое обращение в сношениях с ними. Его работы были ему, конечно, дороги, но он никогда не страдал каким-либо повышенным к себе и своих заслугам мнением, тем менее верил в непогрешимость своих мнений и воззрений. «Я всегда желаю знать правду», писал он мне 22 ноября 1930 г., «особенно относительно себя, очень дорожу откровенным (подчеркнуто В. П.) мнением о моих работах, более того — жажду услышать такие мнения, как бы ни были они неблагоприятны, и никогда не могу быть за это в претензии». Глубоко развитое сознание чувства долга — вот что было одним из главных стимулов его деятельности.¹ И на жизнь человеческую смотрел В. П. глазами героя тургеневского «Фауста»: «Жизнь не шутка, не забава; жизнь даже не наслаждение... жизнь — тяжелый труд... Исполнение долга — вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща».

Верный этим словам одного из наиболее любимых им писателей, стойко шел и В. П. до конца своего поприща. Последние полгода своей жизни, когда гнездившаяся в нем болезнь (рак желудка, как оказалось) резко обострилась, он продолжал неустанно трудиться: он подготовлял и подготовил к печати упомянутый труд о французских историках 20-х годов XIX в. и их отношении к революции 1830 г. В основе этого посмертного труда лежал доклад В. П., сделанный им в заседании Отделения общественных наук Академии в октябрьскую ее сессию 1930 г. Это было в последний раз, когда мы видели В. П. в нашей академической среде... 1 июня 1931 г. он отошел в вечность.

23 августа 1931 г.

¹ Вот один из примеров этого. Как житель Харькова, В. П. не имел возможности регулярно посещать академические собрания, и этот невольный иногда «абсентеизм», как не мне известно, волновал и мучил его до такой степени, что он серьезно подумывал даже о выходе в отставку из штатных академиков.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. П. БУЗЕСКУЛА
за 1915—1931 гг. (№№ 101—136)

Дополнение к списку трудов до 1915 г., помещенному в изданном в честь В. П. Бузескула¹³
XXI томе «Сборнике Харьковского историко-филологического общества»

101. Введение в историю Греции, 5-е изд., СПб., 1915.
102. Рец. на перевод Фукидида Мищенко-Жебелева. Наука и Школа, 1915, № 1 (Харьков).
103. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX в. Русская Мысль, 19¹
февраль.
104. Древнейшая цивилизация в Европе. Вестник Европы, 1916, август.
105. Немецкий историк Эдуард Мейер об Англии и нынешней войне. Голос Минувшего, 19¹
сентябрь.
106. Рец. на соч. А. И. Покровского «О хронологии афинской истории VI в.». ЖМНП, 19¹
ноябрь.
107. Международный третейский суд в древнегреческом мире. Вестник Европы, 19¹
апрель — июнь.
108. Древнейшая цивилизация в Европе. Критско-микенская эпоха, Харьков, 1918.
109. Афинская демократия, Харьков, 1920.
110. Германский ученый об «адвокатской республике» (по поводу книги Дегер'а о Д⁶¹
сфене). Анналы, I, 1922.
111. Новое известие иностранца (Генриха Штадена) о России XVI в. Там же.
112. Образы прошлого. Из личных воспоминаний. Анналы, II, 1923.
113. Перикл, П., 1923.
114. Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. I. Восток, II., 1923.
115. То же. II. Греческий мир, Л., 1924.
116. Античность и современность, 3-е изд., Л., 1929.
117. Из истории Monumenta Germaniae. ДАН-В, 1925.
118. Эрнест Лависс (некролог). ИАН, 1925.
119. Академия Наук СССР за 200-летнее существование. Харьков, 1925.
120. Отчет о командировке в Керчь. ИАН, 1926.
121. Из истории критического метода. Ранке и Штенцель, ИАН, 1926.
122. Открытия и научные достижения за последние годы в области истории Древнего Востока¹⁴
Восточный мир, Харьков, 1927, № 1.
123. Из истории критического метода. Геерен. ИАН, 1927.
124. Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения¹⁵
греческой и мировой истории. Известия Всеукраинской Академии Наук, 1927.
125. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х годов прошлого века¹⁶
Сборник (харьковский) в честь Д. И. Багалая, 1927.
126. Из области новейшей западноевропейской историографии, 1928.
127. Записка об ученых трудах Д. М. Петрушевского. Приложение к ИОГН за 1928 г.
128. М-ме де Стааль и последующие историки французской революции. Сборник в честь¹⁷
Д. М. Петрушевского (Ученые записки Исторического института при РАНИОН, 4. П
М., 1929.

129. Общий очерк деятельности Ф. И. Успенского (в соч. «Памяти Ф. И. Успенского», Л., 1929).
130. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX в. Часть первая, Л., 1929.
131. И. В. Нетушил (некролог в сотрудничестве с С. А. Жебелевым). ИОГН, 1929.
132. Речь в ответ на приветствия и доклады в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры 1 апреля 1928 г. Ученые записки кафедры, выпуск III, Харьков, 1929.
133. Изучение истории Ближнего Востока в России. Сборник Комиссии по истории Ближнего Востока при Всеукраинской Академии Наук, 1930 (на украинском языке).
134. Эдуард Мейер (некролог). ИОН, 1931.
135. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX в. Часть вторая, Л., 1931.
136. Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г. ИОН, 1931.
-